

К проблеме подлинных интересов народа

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье обосновывается положение о бессодержательности понятия «общественный интерес», и таких вариантов его использования, как «интерес народа», «интерес нации», «интерес класса». Отмечается, что обычно определение данного понятия сводится к потребностям и нуждам некоторой общности, что означает, что оно в этом случае не несет по отношению к ним специфического содержания. С другой стороны, такое определение общественного интереса противоречит пониманию интереса личности, который связывается с ее направленностью. Непродуктивность данного понятия обнаруживается и в связи с тем, что общество не является однородным образованием, а представляет собой внутренне структурированную целостность, элементы которой имеют свои собственные потребности и нужды.

В силу этого часто встречается стремление политиков говорить от имени интересов народа является не более чем риторическим приемом, не выражающим конкретного содержания. Отсюда делается заключение, что в целеполагании политика игра понятием «интересы народа» должна быть заменена формулированием его собственного ответственного выбора, по поводу которого он ведет диалог с населением и успешность которого должна подтверждаться конкретными параметрами изменений в различных сферах общественной жизни.

Обращается внимание на то, что в отечественной культурной традиции, отражаемой в русской религиозной философии, философию интереса, понимаемого в экономическом смысле, заменяет философия служения.

Ключевые слова: интересы народа, интерес личности, выбор политика

To the Problem of Authentic Interests of People

Aleksandrov V. B.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The provision on triviality of the concept «public interest», and such options of his use as «the interest of the people», «the interest of the nation», «the interest of the class» is proved in article. It is noted that usually definition of this concept comes down to requirements and needs of some community that means that it in this case doesn't bear in relation to them specific contents. On the other hand such definition of public interest contradicts understanding of interest of the personality which contacts its orientation. The unproductiveness of this concept is found and because society isn't uniform education, and represents internally structured integrity which elements have an own need and needs.

Owing to this fact often found aspiration of politicians to speak on behalf of the interests of the people, is no more than rhetorical reception which isn't expressing concrete contents. From here the conclusion becomes that in goal-setting of the politician a game the concept «interests of the people» has to be replaced with formulation of his own responsible choice concerning which he conducts dialogue with the population and which success has to be confirmed by concrete parameters of changes in various spheres of public life.

The attention that in the domestic cultural tradition reflected in the Russian religious philosophy, the philosophy of the interest understood in economic sense is replaced by service philosophy is paid.

Keywords: interests of the people, interest of the personality, choice of the politician

В условиях весьма живописной картины политических баталий, разворачивающихся в пространстве СМИ и время от времени выплескивающихся на улицы и площади городов, от российского обывателя требуется умение критически оценивать фразеологию, с помощью которой формулируют свои идеи деятели, предлагающие ему различные, нередко весьма экзотические концепции, призванные определить пути дальнейшего развития страны. Эта фразеология структурируется определенной лексикой, обозначающей темы, вокруг которых выстраивается дискуссия, ломаются полемические стрелы противостоящих сторон, стремящихся привлечь внимание ошеломленного «электората».

Одной из таких тем, разработка которых имеет как теоретическое значение, так и вполне отчетливое влияние на обоснование целей политической практики, является, на наш взгляд, тема общественных интересов, которая может обретать свой специфический облик в конструкциях: «интересы народа», «интересы страны», «интересы нации», «интересы класса». От имени общественных интересов говорят коммунисты и либералы, правые и левые, патриоты и западники... Нельзя сказать, что актуализация этого понятия является приметой исключительно сегодняшнего дня. Оно имеет давнюю традицию своего употребления. Об интересах народа (или класса) говорили и в дореволюционную эпоху, и в эпоху диктатуры пролетариата, и во времена общенародного государства, и в эпоху застоя, и в тревожную эпоху перестройки. Говорят о них и сегодня.

Однако давняя традиция употребления этой категории, заметим, в том числе и в западной социальной мысли, не сняла все проблемы, связанные с ее содержательным наполнением. Многое остается неопределенным, зависящим от контекста ее употребления, от субъективного видения ее смысла говорящим.

Поэтому у человека, пытающегося разобраться в хитросплетениях аргументов обращающихся к нему борцов за власть и за его благополучие, настойчиво предлагающих ему свои услуги, и убеждающих в том, что они озабочены интересами народа, естественным образом возникает ряд вопросов. Первый из них, лежащий на поверхности, выглядит примерно так: «Кто же из них прав? Почему я должен верить одному и не должен верить другому?». У человека, пытающего теоретизировать на данную тему, возникает методологический вопрос: «Как же все-таки устанавливаются подлинные интересы народа?». Поразмыслив немного и почувствовав, что ответ на него не так уж прост, человек может поставить совсем уж философский вопрос: «А есть ли они, эти подлинные интересы народа и можно ли их установить, если они есть?».

Попробуем разобраться в существе дела. Первый шаг, по-видимому, должен состоять в том, чтобы уточнить предмет разговора — т. е. посмотреть, как понимается понятие общественного интереса в социально-философской литературе. Начнем, наверное, с марксистского толкования интереса, которое имело в виду в рамках, так называемой, материалистической концепции исторического процесса, претендовавшей на статус объективно истинной, подлинно научной теории. В рамках этой теории движущей силой исторического процесса рассматривалась классовая борьба, порождаемая противоположностью интересов борющихся классов. В соответствии с данной концепцией интерес понимался как «потребности, нужды, *объективные* (курсив мой. — В. Б.) по своему характеру и происхождению, возникающие у различных классов, социальных групп, коллективов, организаций и входящих в них отдельных личностей и обусловленные экономическими отношениями данного общества, экономическим положением определенных социальных общностей и объединений» [7, с. 116]. За прошедшие 50 лет со времени выхода в свет тома Философской энциклопедии, в котором было дано это определение сущности общественных интересов, оно практически не изменилось и во многих изданиях последнего времени оно вос-

производится, можно сказать, полностью¹. Каковы особенности этого определения, бросающиеся в глаза? Обозначим две основные. Первой характерной его чертой является фактическое отождествление интересов и потребностей, что произошло, по-видимому, в силу стремления понимать интересы как *объективные* в своей основе мотивы человеческого поведения. Получается, что понятие «интерес» не имеет самостоятельного значения и, по сути дела, дублирует понятие «потребности». Усиливая сказанное, можно сказать, что приведенное выше определение отказывает общественным интересам в особом категориальном статусе. Оно оказывается фактически избыточным, поскольку для выражения той же самой проблематики (мотивов поведения различных общностей) вполне можно обойтись понятием «потребности».

Второй особенностью, обращающей на себя внимание, является постановка в один ряд интересов разного рода общностей от классов до коллективов, с одной стороны, и интересов отдельных личностей, их составляющих, с другой. Из приведенного определения следует, что интересы личности в такой же степени объективны, как и интересы общностей. И, по-видимому, интересы общности совпадают с интересами личностей или являются результатом их суммирования.

Такой подход приходит в противоречие с традицией определения интересов личности, сложившейся в психологической литературе. Главное, на что, как нам кажется, следует обратить внимание — это принципиально иная логика определения интереса личности, которая дается в психологии, нежели та, которая просматривается в определении общественного интереса как выражения некоторой объективной потребности. Специфика понимания интереса личности в психологии заключается в том, что здесь интерес нагружается субъективностью носителя данного интереса, соотносится с направленностью личности. Интерес в этом случае понимается как «форма проявления познавательной *потребности*, обеспечивающая *направленность личности* на осознание целей деятельности и тем самым способствующая ориентировке, ознакомлению с новыми фактами, более полному и глубокому отражению действительности ... Оценка широты или узости интереса, в конечном счете, определяется его содержательностью и значимостью для личности» [4, с. 124]. И еще один важный момент: предметом интереса может стать сама деятельность, ведущая к его удовлетворению. Интерес в динамике своего развития может превращаться в *склонность* к осуществлению деятельности, вызывающей интерес [Там же]. Как видим, такое понимание интереса принципиально отличается от понимания общественного интереса как выражения объективной потребности, или нужды соответствующей общности.

Если остановиться на таком понимании интереса личности, то остается непонятным, как интересы отдельной личности, несущие на себе очевидную печать субъективности, могут порождать объективные по содержанию интересы общности, как они связаны с интересами общности. Развитие оборонной промышленности, необходимое для сохранения страны, может не входить в поле интересов отдельной личности, не осознаваться ею как тема ее собственного интереса. Конечно, это развитие будет иметь значение для сохранения личностью своего существования, но это значение не будет темой ее интереса и, в лучшем случае, может отражаться в ее сознании категорией «условие». Несмотря на тождественность терминологии, смыслы, которые имеются в виду при характеристике интересов личности и общности, существенно различаются.

¹ См. например: Философский словарь / авт.-сост. С. Я. Подопригора, А. С. Подопригора. Изд-е 2-е, стер. Ростов н/Д, 2013. С. 283–284.

Идея объективности интересов была принципиально важна для идеологии, предполагавшей возможность познания этих интересов и превращение ее в действительность благодаря существованию особого субъекта, осуществляющего познание в соответствии с единственно научной методологией социального познания, т. е. коммунистической партии. Как писали патриархи советской версии исторического материализма В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон: «Признание объективного характера интересов позволяет осуществлять объективный историко-материалистический анализ социальной структуры общества и ее динамики, определять стратегию и вырабатывать тактику рабочего класса и его партии» [3, с. 133]. Как видим, в рамках такой идеологии идея объективности интересов важна не только в теоретическом, но и в социально-практическом отношении. Она позволяет партии ставить перед собой задачу бороться за преодоление «у определенной части рабочего класса и трудовых масс представлений о мнимых, иллюзорных интересах и за осознание ими их действительных, реальных интересов» [7, с. 117], что является условием успешности революционного преобразования общества.

Несмотря на всеобщий отказ от марксистского мировоззрения в настоящее время из идеи объективности интересов, явно или неявно, исходят самые разные политические силы, в том числе и те, которые определяют себя как носителей демократических взглядов. С одной стороны, это, по-видимому, связано с тем, что от имени демократии говорят люди, чья ментальность формировалась изначально в парадигме марксистского понимания исторического процесса. Не соглашаясь с марксистской концепцией исторического процесса, они верили в существование иного, единственно верного понимания истории, которое может стать основой по-новому понятой продуктивной политической практики.

С другой стороны, апелляция к объективным по своей природе интересам тех или иных политических говорунов, в условиях отсутствия «быстродействующих» критериев установления истины, позволяет, жонглируя выгодной статистикой, манипулировать общественным сознанием, убеждать широкие народные массы в том, что именно они знают подлинные нужды народа и владеют средствами их удовлетворения. Между тем наработки, сделанные в современной методологии науки, подводят к заключению о том, что *идея подлинности интересов*, устанавливаемых, неким продвинутым умом, могущим достигнуть знания этих интересов «на самом деле», является в лучшем случае искренним заблуждением. Она может выступать, как модно сейчас говорить, в качестве мема, укорененного в рационалистической традиции, восходящей к эпохе Просвещения, и представляет собой удобный код, используемый политехнологами для программирования общественного сознания.

Обратимся к варианту установления подлинных интересов рабочего класса такими неслучайными людьми в этой проблематике, каковыми, несомненно, являются основоположники марксизма. В знаменитом «Манифесте коммунистической партии» они противопоставляют свое понимание интересов рабочего класса пониманию их, так называемыми, буржуазными социалистами. Эти теоретики, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, стремятся «внушить рабочему классу отрицательное отношение ко всякому революционному движению, доказывая, что ему может быть полезно (т. е. составляет его интерес. — В. А.) не то или другое практическое преобразование, а лишь изменение материальных условий жизни». В противовес им основоположники марксизма утверждали, что в «интересах рабочего класса» «уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, противостоящее административным улучшениям, осуществляемым на почве существующих производственных отношений, ничего не изменяющих в отношениях между трудом и капиталом» [5, с. 35]. Кто же прав? На протяжении долгого времени в нашей литературе считалось, что

классики марксизма смогли определить подлинные интересы рабочего класса. Однако в дальнейшем жизнь показала, что эта позиция является, по меньшей мере, спорной. Апелляции к подлинным интересам через определенный период времени обернулись пониманием эфемерности самих попыток установления этих интересов.

В противовес искателям подлинных общественных интересов, мы полагаем, что общественный интерес — это некоторый конструкт, создаваемый в целях интерпретации поведенческой мотивации социальных субъектов. Этот конструкт верифицируется теми, кто его употребляет, на некотором объеме статистической информации. Однако такая верификация всегда является неполной, отнесенной к определенным пространственным (или географическим) и временным обстоятельствам, которые подбираются в соответствии с политическими задачами субъекта, осуществляющего эту верификацию. Это означает, что предлагаемое им видение «общественного интереса» не имеет «стратегического», действительно объективного значения, и что его формулировка отнесена к определенной ситуации и обусловлена решаемыми в данный момент политическими задачами.

Единственным объективным содержанием, которое скрывается за конструкцией «общественный интерес», является объективная закономерность, выражающая тенденцию в динамике элемента любой саморегулирующейся системы и системы в целом, состоящую в стремлении к сохранению своего существования через установление динамического равновесия с окружающей средой. В политической дискуссии эта закономерность может интерпретироваться через целый ряд показателей: экономических, социальных, политических, культурных, характеризующих образ жизни членов соответствующих общностей.

Для авторов таких интерпретаций в целях усиления своей позиции естественным будет искушение говорить от имени общественных интересов. Например, для представителей экономического блока правительства может оказаться удобным утверждение, что включение хозяйственной системы страны в той или иной конкретной форме в мировую хозяйственную систему отражает интересы народа. Таким утверждением, в частности, можно считать обоснование необходимости вхождения России в ВТО. Однако, если говорить более ответственно, то придется признать, что этот факт весьма неоднозначно связан с нуждами и потребностями благополучного существования народа уже на обозримом временном отрезке. Что касается оценки этого мероприятия в стратегическом плане, то она будет еще менее определенной. Неслучайно и по сей день идут споры о том, была ли нужной эта форма вхождения в мировую экономическую систему.

На фантомность идеи подлинных общественных, в конкретном случае классовых, интересов еще в начале нашего века обратил внимание М. Вебер. По его справедливому замечанию, если попытаться проанализировать понятие «классовые интересы рабочих», то станет видно, «какой узел противоречивых интересов и идеалов рабочих, с одной стороны, идеалов, под углом зрения которых мы рассматриваем положение рабочих, — с другой, содержится в данном понятии» [1, с. 412]. «Развязывание» таких узлов всегда будет делом субъективным, обусловленным политической конъюнктурой, да и просто концептуальными предпочтениями субъекта интерпретации, которые обусловят определение приоритетов, трактовку соотношения между изменениями в различных сферах общественной жизни и пр.

Категория интереса, понимаемого как выражение не просто потребности, но направленности субъекта, на что мы обращали внимание выше, имеет смысл не для некоторой общности — предполагаемого носителя интереса, формулировку которого предлагает данный деятель, а о его собственной направленности, обуславливающей представление своего интереса через создание концепции интереса общественного. Поэтому понимание того или иного видения «общественного

интереса» предполагает отчетливое установление того личного (или группового) интереса, проекцией которого является формулировка, претендующая на выражение этого самого «общественного интереса». Для иллюстрации обратимся вновь к «Манифесту коммунистической партии» в той его части, где авторы, критикуя упомянутый буржуазный социализм, показывают, что предлагаемая рабочим формулировка их интересов скрывает за собой вполне определенный групповой интерес авторов этой формулировки. В силу этого получается, что «буржуа являются буржуа, — в интересах рабочего класса», что «свободная торговля! В интересах рабочего класса; покровительственные пошлины! В интересах рабочего класса; одиночные тюрьмы! В интересах рабочего класса» [5, с. 35].

Другая сторона вопроса заключается в том, что если даже мы предположим существование объективных интересов народа, то как определить тот механизм, который бы смог их учесть и выразить? Отчетливо выраженной идеей формы государства, соответствующей задаче выражения интересов класса, была идея революционной диктатуры пролетариата, провозглашенная Марксом в «Критике Готской программы». Воплощением этой идеи стало государство диктатуры пролетариата в Советском Союзе. В марксистском учении предполагалось само собой разумеющимся, что диктатура пролетариата, так сказать по определению, выражает действительные интересы рабочего класса. Однако в постсоветский период все определеннее стала пробивать себе дорогу мысль о том, что «диктатура пролетариата» не более чем идеологема, скрывающая невозможность выразить интересы этого класса. Стало очевидным, что класс в целом не может осуществлять свою власть, для этого необходимы представители, которые смогут понять интересы пролетариата и будут в необходимой степени мотивированы, чтобы их отстаивать. Это понимание предполагало надежные концептуальные основания и «механизм» выявления и учета этих интересов, критерии определения принадлежности трудящихся к данному классу и пр. Концептуальным основанием была, как известно, материалистическая теория исторического процесса, которая в настоящее время по целому ряду позиций выявила свою ограниченность. Существовал и коллективный субъект, претендовавший на право аутентичной трактовки этой теории, ее приложения к конкретной действительности и, соответственно, определение интересов пролетариата. Таким субъектом, как известно, являлось руководство Коммунистической партии. Эта трактовка концептуальных оснований управления страной определила и трактовку конкретных потребностей и нужд различных категорий населения страны. Иными словами, управление страной от имени интересов рабочего класса фактически осуществлялось на основе определенного представления истории, соответствовавшего *интересам* (отражавшим *направленность*) определенной небольшой группы людей.

Аналогичная ситуация сохранилась и в эпоху так называемого общенародного государства, когда интерпретируемая партией концепция исторического процесса выступала основанием для установления «интересов» уже не только пролетариата, но всего народа.

Теперь обратимся к тому типу государства, на знамени которого написано гордое слово «демократия». Здесь можно встретить много признаков существования механизмов, обеспечивающих выражение властью интересов народа. Это — выборы, опросы общественного мнения, референдумы, уличные демонстрации и тому подобные приметы демократического общества. Однако без особых интеллектуальных усилий становится ясным, что общественное мнение, устанавливаемое с помощью опросов, позиция электората на выборах достаточно отчетливо привязаны к определенным условиям, ситуации в экономике, являются следствием некоторой традиционности в представлениях по поводу того, что соответствует нуждам людей, формируемым, кроме того, средствами массовой информации.

Поэтому говорить о выявлении неких подлинных интересов народа теми возможностями, которые представляет демократия, тоже вряд ли оправданно.

Если проблема интересов народа настолько проблематична, то каким образом включается народ в мир политики. Не означает ли сказанное возврат к пресловутой идее героев и толпы и тому подобным, достаточно обстоятельно критикованным в марксистской литературе теориям. На наш взгляд, не означает, как не означает и повторения идеи о том, что крупный политический деятель для успеха своей программы должен выразить *интересы* класса (народа), которые он улавливает неким шестым чувством, обостряющимся благодаря классовому происхождению.

В свете сказанного возникает и такой вопрос: что же может заменить в целеполагании политического деятеля категорию «интересы народа» (класса, нации и т. п.)? Думается, что это честная артикуляция им своих политических целей, связанная с отказом от жонглирования словами о выражении интересов народа, нации, рабочего класса и т. п. Главное — это открытость позиции, конкретность задач, на решение которых направлена его политическая программа, четкая формулировка параметров, по которым может быть оценена степень этого решения. Вступая в политическую борьбу, политик делает *свой выбор*, и эта категория имеет значительно больший смысл, чем расхожее клише «выбор народа». В политической борьбе побеждает не тот, кто сумел выразить мифический выбор народа, который не может самостоятельно и профессионально определить значимые для него экономические и политические приоритеты, временные и территориальные параметры необходимых преобразований, а тот, кто сумел *убедить* народ в своем выборе. Например, каким образом может народ определить, соответствует ли его интересам борьба Центробанка за понижение инфляции путем ограничения денежной массы и сохранения высокого значения учетной ставки или ему стоит создавать возможность для увеличения капиталовложений в экономику. Точно также соответствует ли интересам народа вложение денег в ценные бумаги иных стран («финансируя чужую экономику») или их стоит хранить у себя, теряя при этом в надежности и выгоды вкладов.

Содержание выбора политика определяет глубину ответственности, которую он берет на себя. Приведем еще одно выразительное высказывание М. Вебера: «Если дело чести чиновника выполнять приказ под ответственность приказывающей инстанции, так как будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям, то честь политического вождя, т. е. руководящего политического деятеля, есть прямо-таки исключительно личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может, не имеет права» [1, с. 666]. Думается, что апелляция к интересам народа — это осознаваемая или нет риторическая форма, скрывающая стремление уйти от ответственности, попытка перенести ее на более высокую инстанцию, которая непонятным образом уполномочила политика говорить от его имени. Конечно, утверждая это, мы должны понимать, что выбор политика не является результатом абсолютного произвола. Он имеет свои основания. Это, прежде всего, культурная традиция, которую следует иметь в виду, оценивая возможность принятия общественным мнением предлагаемой политики, а также существующие на данный момент объективные показатели развития экономической и социальной сфер общественной жизни.

Взаимоотношение народа и политического руководителя — это диалог, в котором ведущей стороной выступает политик. При этом народ участвует в диалоге не как некое аморфное и нерасчлененное образование, а как внутренне структурированная целостность, включающая в себя различные социальные слои, группы, общности, имеющие свои собственные жизненные проблемы. Это само по себе делает малоосмысленным говорение не об объективно фиксируемых экономических

или социальных параметрах образа жизни каждой из них, а о некоторых универсальных общественных интересах.

Критически оценивая нерефлексивное употребление понятия «общественный интерес», следует отметить, что существует некоторый тип общностей, по отношению к которым обращение к данному понятию может быть оправданным. Это касается тех социальных категорий, для которых тема личностной самореализации (в сфере искусства, науки, религиозной мысли) становится принципиально важной, и в то же время появляется некоторый общий вектор, вокруг которого выстраивается понимание ее смысла представителями данной категории. Обычно это происходит тогда, когда достигнут определенный уровень решения жизненных проблем. Но и в этом случае задача политика будет состоять не в том, чтобы уловить их «подлинные» интересы, а в предложении определенной системы ценностей, модели образа жизни и развития страны, по поводу которых с данными группами необходимо будет выстраивать диалог с целью побуждения их к определенному пониманию вектора собственной самореализации.

Конкретизацией отмеченного варианта понимания общественного интереса может стать концепция групп по интересам. Известно, что в западной литературе группы по интересам делятся на четыре больших класса: экономические группы, группы общественных интересов, понимаемых в особом смысле как «группы общего дела», группы солидарности и группы особых интересов. Экономические группы формируются на основе профессиональной принадлежности (медицинская ассоциация, ассоциация фермеров). «Группы общего дела» занимаются проблемами, волнующими население — защитой окружающей среды, защитой потребителя и т. п. Группы солидарности основаны на чувстве равенства между людьми по определенному признаку — раса, возраст, сексуальная ориентация. Интересы групп, преследующих особые цели, ограничены отдельными аспектами политики — развитием промышленности, уровнем и качеством потребления и пр. [2, с. 159–160]. В определенном смысле можно говорить, что у членов соответствующих групп существуют общие интересы, выражающие ценностно-смысловую основу их личного бытия. Но и здесь реализация групповых интересов предполагает конкретный диалог с властью и по поводу ценностных оснований их деятельности, и по поводу конкретных параметров тех результатов, которые будут для них приемлемыми.

Таким образом, все разговоры о выборе народа, об интересах народа и страны — это лишь политические декларации, не имеющие самостоятельного значения. Реальный субъект выбора в современной политической жизни — это политик, реализующий *свой интерес* (который может быть связан с его стремлением к самоосуществлению себя как личности) и несущий ответственность за свой выбор. Он ориентируется по самой сути своей деятельности (а не по злему умыслу) не на интересы народа (такой словесный оборот есть не что иное, как ничего не значащая фикция), а на определенные конкретные параметры изменения условий во всех сферах общественной жизни. В этой работе он может задействовать интересы конкретных политических субъектов, которые, реализуя свои интересы, могут оказать поддержку в достижении этих целей.

В отечественной культурной традиции, нашедшей свое отражение в русской религиозной философии, существует особая модель для интерпретации выбора политика, связанная с пониманием власти как служения. Категория служения призвана выразить особое отношение человека к государственной службе, состоящее не только и не столько в отношении к ней как к своей профессиональной обязанности. Она предполагает видение человеком, облеченным властью, своей деятельности, как сопряженной с высокой ответственностью перед исторической судьбой своего народа и тем самым приобщенной к смысловым основам его бытия.

Можно сказать, что идея власти в русской культурной традиции в отличие от либерального ее понимания, основывающегося на философии интереса, понимаемого обычно в духе стремления к собственной пользе, базируется на философии служения. Конечно, философия служения не может исключить интерес как важнейший мотив личностного бытия. Более того, философия служения должна включить в себя интерес, хотя и иначе понимаемый, поскольку служение, в подлинном смысле слова, должно предполагать личностную вовлеченность субъекта, осуществляющего свое служение. Это будет возможным, когда служение станет предметом интереса субъекта.

Углубление идеи служения осуществляется в рамках религиозного миропонимания. Здесь власть — это «служение Богу о своих подданных-детях». Как говорил один из наиболее известных представителей русского консерватизма К. Победоносцев, «Власть не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек... Дело власти есть дело непрерывного служения, а потому, в сущности, — дело самопожертвования» [6, с. 426]. В соответствии с такой интерпретацией философии служения выбор политика — это выбор, сделанный перед лицом Бога, и состоящий в принятии на себя обязанности способствовать восхождению народа к божественным смыслам бытия.

Конечно, сегодня «измерять» деятельность персонажей политической сцены столь высокой мерой было бы прекраснородушной иллюзией. Но помнить о ней как об абсолютной «точке отсчета» при оценке властей предрежащих на предмет степени их удаления от этого идеала было бы весьма полезным.

В заключение заметим, что следование выбору предполагает длительное волевое усилие, которое возможно только как форма самоосуществления человеческой личности. Для больших масс людей «мобилизационное поведение» возможно лишь в экстремальных обстоятельствах (например, в условиях войны). В условиях же нормального развития особое значение имеет повторяющаяся изо дня в день повседневность, фиксируемая в традиции, ориентация на которую является, как отмечалось, важнейшим основанием выбора политика.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Государственное управление. Словарь-справочник (по материалам «International Encyclopedia of Public Politic and Administration»). СПб., 2001.
3. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981.
4. Краткий психологический словарь. М., 1985.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1. М., 1952.
6. Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996.
7. Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Weber M. Chosen works. M., 1990. (In rus)
2. Public administration. The dictionary reference (on the materials "International Encyclopedia of Public Politic and Administration"). SPb., 2001. (In rus)
3. Kelle V. Zh., Kovalzon M. Ya. Theory and history. M, 1981. (In rus)

4. Short psychological dictionary. M., 1985. (In rus)
5. Marx K., Engels F. The manifesto of the Communist Party // Marx K., Engels F. Chosen works. V. 1. M., 1952. (In rus)
6. Pobedonostsev K.P. Compositions. SPb., 1996. (In rus)
7. Philosophical encyclopedia. V. 4. M., 1967. (In rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru